

ЮБИЛЕЙ

...На сей день Владимир Спиваков руководит двумя элитными оркестрами — знаменитыми "Виртуозами Москвы" (с 1979 года) и большим Национальным филармоническим оркестром России (НФОР). Помимо этого возглавляет Фонд собственного имени, а также является президентом Международного дома музыки на Красных Холмах — нового культурного центра, весьма ярко зарекомендовавшего себя за последние два года.

Его кабинет. Настроение печальное. — Понимаете, я заболел весь из-за этой трагедии. Рука не поднимается играть что-то веселое. Что же творится?

— **Но играть надо.**
— Конечно. Только что вернулись: ездили на Урал и в Сибирь. И понял одно. Музыка наша — это польза духовная. Она необходима людям. Вы видите — все очерствело. Душа перестала работать.

— **Вместо нее...**
— Вместо нее работает счетная машина. Доверия нет между людьми. Нет, очень нехорошая атмосфера складывается. Помните эти строки Ахматовой: "Я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был..." Очень ее понимаю. Я так же живу. Я не могу не чувствовать связи с Россией, с местом, где родился и вырос. Да я питаюсь этими связями до сих пор, и это сильнее меня! Как религию убивали долго и методично...

— **Но не убили.**
— Не убили. Потому что это неотъемлемо от человека. Это исконное чувство. А музыка — часть религии. И ее цель сейчас — не развлечение. Но утешение. Любовь. Она взывает к самому лучшему... Ведь толпу можно настроить за десять минут на самые страшные разрушения!

— **Да за минуту можно! Бей черных, красных, голубых...**

— За минуту? А вот напомнить о вере, о любви — это сложнее. И работать над этим должен каждый. Я на своем месте стараюсь помогать людям. По крайней мере последние двадцать лет... Жива красота в человеке, не убита. И в этом спасение. Убежден. Поэтому весь сезон будем давать концерты... нет, не на Красной площади. А в самых отдаленных местах, в той Великой провинции, благодаря которой сохранилась Россия, благодаря которой мы выиграли войну... Потому что мой отец — фронтовик, а мама — блокадница, и я знаю доподлинно, что и как!

Если бы мама не верила...

...Он очень волнуется. Я поймал себя на мысли, что раньше Владимир Теодорович часто курил. А тут — просит чаю... Нет, вот и сигарета. Трудно говорить о трудном.

— **Эти теракты... Но вы могли иметь совсем другую жизнь.**

— Мог бы. Конечно. И даже свой день рождения мог бы отметить не гала-концертом в Москве, а где-нибудь в Нью-Йорке или в Париже. Предложения шли отовсюду. Целые театры и концертные залы давались в мое распоряжение.

— **Но теперь... этот ужас российский будет до конца.**

— Да, знаю... Но я здесь родился, здесь же и помру. "Ни страны, ни погоста не хочу выбирать. На Васильевский остров я приду умирать". Бродский. Что с нами делает жизнь...

— **Часто сейчас вспоминаете маму и папу?**

— Они всегда во мне. И надо жить с этим горем в душе. Горем, что их уже нет. А у меня никого нет. Сначала ушел отец, потом мама, сестра... Только музыка спасает от одиночества. И от многих других вещей. Суеты, например. А родился я в Уфе, точнее, в пригороде — Черниковске, на улице Глинки. Моего отца после контузии списали с фронта, и он попал на завод по производству двигателей для наших бомбардировщиков. Работал тогда старшим мастером... А потом мы переехали в Питер.

— **Петербург не казался мрачным?**

— Город детства никогда не покажется мрачным.

— **Кто же заметил в вас музыкальные способности?**

— Мама. Я сначала поступал в Центральную музыкальную школу, там же — в Питере. Меня не приняли.

Такие же юные глаза. Карие, умные. Хотя весь седой. И давно. Спиваков всегда потрясал тем, что казался вне этого мира. Все сидят, обсуждают что-то, а он смотрит, внимает, но все равно будто не здесь...

Нездешний. Вот кончается репетиция. Работы много: ведь в юбилейный концерт 12 сентября внесены серьезные изменения: Беслан. А так хотелось устроить людям праздник... Последним сыграли "Грустный вальс" Сибелиуса. Это бисы, не основная программа, но Спиваков не допустит осечки, даже бисюру.

Красивый, тонкий человек. Далекий, но почему-то бесконечно родной... — Вы хотите чаю? — протягивает чашку. — Во всем важна деликатность.

— Зеленый. Необычайно взбадривает... — Это мне из Узбекистана прислали. А бутерброд хотите? Мог бы поделиться.

— Владимир Теодорович, уверен: вас любят везде, где бы вы ни появлялись!

— Да. Это счастье мое такое...

23

— **Что-то не так сыграли?**

— Да все я сыграл, просто время было такое. Что вспоминать это!.. Отказали. Другая бы мать, раз в Центральную не взяли, сложила бы руки... Но не моя. Она верила. Верила сильной и светлой верой. Что ж, поступил в районную...

— **И потом не раз натыкались на конфликты?**

— Был невезенью одно время. Все было. И сейчас еще жив сальеризм, подлость жива.

— **То есть зависть коллег?**

— Я к этому спокойно отношусь, но... не будем.

— **Как же удастся столь тонко ощущать музыку и при этом управлять двумя коллективами, содержать Дом музыки?**

— Надо ориентироваться на главное — на созидание. Это сильнейший инстинкт, заложенный в каждом. Знаете, как рыба идет на нерест. Правда, погибает часто. Вот в перерывах между репетициями встречаемся, составляем репертуар на два года вперед. Сейчас в Светлановском зале Дома музыки ставим наконец орган. Это как-то изменит акустику. Посмотрим, в какую сторону... Я вот как раз связываюсь с ведущим акустиком в мире (он недавно выставлял звук в Культурном центре Диснея, в Лос-Анджелесе), слушаю его консультации. Главное, впрочем, чтобы здесь жил подлинный дух большого искусства, высота... Это непросто.

Деньги не в свой карман

...Владимир Теодорович тщательно указывает своему второму дирижеру на каждую интонацию в партитуре, пропевая голосом. Да, деликатность во всем...

— **Так и кажется, что вы — часть музыки, не волнуют вас ни "блага", ни гонорары...**

— Иногда волнуют. Скажем, есть у меня купленная в кредит квартира. Надо выплачивать.

— **Читатель скажет: "Как?! У великого Спивакова невыкупленная квартира?"**

— Великим себя не считаю. Квартира — в кредит, дачи нет, машину угнали. Хорошо еще, что, пользуясь статусом президента Дома музыки, ездю на государственной... Впрочем, никогда к комфорту не стремился. Старался жить независимо от власти, толпы, идеологии, жить по законам совести. Совесть — это голос божий в нас... Святой Амвросий говорил: "Бог может все. Не может только приблизить к себе человека, если он того сам не пожелает".

— **Знаете, часто музыканты оставляют после себя наследников. Слышал, что ваш сын — тоже скрипач...**

— Да, он много играет по всему миру. Но не любит, когда где-то пишут о нем как о сыне Спивакова. А в качестве наследства я оставляю России свой Фонд, который оказал материальную помощь нескольким тысячам талантливых детей, дарил в школы скрипки, рояли, хирургические операции оплачивал... И я надеюсь, что дело это будет продолжено моими детьми. Оркестру же я оставляю свою коллекцию инструментов, в том числе и скрипку, на которой я выиграл Первую премию на своем первом конкурсе в Монреале. На ней сейчас, кстати, играет одна наша девушка. Инструмент ей подходит по размеру.

— **У вас, вероятно, очень хорошая скрипка?**

— Страдивари. Но она мне не принадлежит. Ее купили две богатые семьи и отдали мне в пожизненное пользование. Что вы, без помощи меценатов российских... Я мечтал бы, чтобы Национальный филармонический оркестр не ездил за рубеж на заработки...

— **Но с западной пуб-**

ликой проще: она продвинута, с ней можно пошалить...

— Она благополучнее.

— **Так ведь это же хорошо.**

— Но она многого не понимает: Шостаковича, Шнитке...

Трогательная неуспокоенность

Владимир Теодорович указал на любимых. И с Шостаковичем, и со Шнитке встречался, и не раз.

— **Альфред Гариевич такой трогательный.**

— Убежден. Я знал его. Но это были встречи профессиональных музыкантов, потому что я не тот человек, который стоит в очереди за посвящением...

— **Неужели просят посвятить?**

— О чем вы говорите... В очередь становиться! Но я ничего не просил у него. Тем не менее Альфред посвятил мне свои "Пять фрагментов" на картины Босха. Это было как привет с того света. Однажды я играл произведения Шнитке в Германии. Но не знал, что идет прямая трансляция на страну. Вдруг в перерыве звонит Альфред и...

Его слова: "То, что я услышал, — это воплощенная мечта композитора..." Он еле говорил после второго инсульта. Когда он умер, меня разыскали англичане и попросили исполнить некое его произведение, мне посвященное. А я и понятия не имел... Потом лишь связался с издательством "Сикорский" и разыскал там партитуру "Пяти фрагментов"...

— **А вы сами когда-нибудь писали музыку?**

— Нет. Только каденции к концертам.

— **Совсем не лежала душа?**

— Это ведь дар... Как-то я спросил у одного советского композитора: "Как ты пишешь?" Он ответил: "Пишу первый такт, а потом выпутываюсь". Мне это не кажется даром. Дар — это как у Шостаковича было, когда он заболел, к нему пришли и попросили что-то написать. Знаете, что он сказал? "У меня какая-то машинка в голове сломалась. Не могу..."

— **Владимир Теодорович, вы так виртуозно провели прошлый сезон в Доме музыки, я имею в виду грандиозные фестивали "Владимир Спиваков приглашает" и "Моцартиана"...**

— От прошлого сезона у меня осталось легкое чувство удовлетворения, но неуспокоенность нарастает... Сейчас будет два фестиваля. Один посвящен Шнитке, другой — Брамсу. Мне кажется, Брамс в эту пору должен быть близок людям... Этот человек не любил внешних эффектов. Даже в кульминациях... Всегда жил с мечтой. С мечтой о любви. А откроет сезон 8 октября Первая симфония Малера...

— **Так хотелось бы, чтобы оркестр (НФОР) сам мог заказывать современным композиторам музыку для фестивалей.**

— На это деньги нужны. Их пока нет. Но это хорошая идея, и я использую ее в будущем.

Будем считать, что это ваша идея... Но мне кажется, что важно соблюсти баланс между музыкой современной и более традиционной по восприятию...

...Затем наша беседа ушла в некое закулисное русло, о чем читателю вряд ли интересно будет знать.

Столько громких слов сказано. Но убавьте звук. Ни одно из них не произнесено с фальшью. Как "Грустный вальс" Сибелиуса...

Ян СМЕРНИЦКИЙ.

Владимиру Спивакову - 60

Дорогой Владимир! С юбилеем! Удачи во всем! Б.О.С.